

Ян Березкин

Люди Севера

стихи

Ян Березкин Люди Севера. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54889127

ISBN 9785447445478

Аннотация

Героями творчества Я. М. Березина являются, прежде всего, жители Крайнего Русского Севера, их жены и дети. Жизнь маленьких чукотских поселений и кочевий Я. М. Березкин знает не понаслышке, будучи сыном вездеходчика. Именно поэтому герои его произведений так правдивы и так узнаваемы. В своих произведениях Ян Михайлович воспевает величие, красоту и неповторимость Русского Севера, людей, связавших навсегда с ним свою судьбу.

Содержание

Родина моя	7
Анадырь	9
«Ушедшие северяне становятся снегом...»	12
«я помню поселок засыпанный снегом...»	13
«кроме снега и холода...»	15
«дома стоят с выбитыми стеклами...»	18
История	20
«Снежная пустыня дышит ветром...»	22
Девять	24
«Взрослеешь и понимаешь...»	27
«Вы знаете, чем согреваются в тундре...»	29
«Снова тундру листаю как будто букварь ...»	31
Северное сияние	33
Минус пятьдесят	35
Разговор мальчишек	37
Ягода-морошка	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Люди Севера Стихи

Ян Березкин

© Ян Березкин, 2020

ISBN 978-5-4474-4547-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Посвящается моим родителям,
Зинаиде Владимировне и Михаилу Александровичу,
прожившим всю жизнь на Чукотке,
моему брату,*

*Денису Михайловичу,
родившемуся на Чукотке,
и моим детям,
Настеньке и Мише,
никогда не бывавшим на Чукотке*

Родина моя

Родина моя пахнет ягелем,
Белыми ночами нетленными,
Можно по грибы и по ягоды
Тропами пройти там оленьими.

Родина моя снегом белая,
Холодом трескучим звенящая,
И она меня лучше делает,
Ведь она во мне **НАСТОЯЩАЯ!**

Будет она ждать меня преданно:
Не предаст, не выгонит блудного.
Родина моя только мне дана —
От нее приму чашу судную.

Я ее храню в сердце трепетно,
Я ее шепчу заклинанием,
И березки ждут с тихим шелестом,
Когда я вернусь из изгнания...

Анадырь

Анадырь – столица сурового края,
Столица снегов и пурги!
И те, кто там жил или кто проживает,
Душою просты и легки!
За синим лиманом стоят самолеты —
Готовятся на материк,
Они навсегда провожают кого-то,
Но кто-то к морозу привык.

В порту корабли разгружаются шумно,
И краны кивают с высот.
И кто-то – не помню – сказал очень умный:
«Живет здесь великий народ!»
Живет вопреки, и такой настоящий,
И где бы ни жили потом —
Он верен себе и не может иначе:
Анадырь он помнит, как дом.
В чужой стороне, где тепло и уютно,
Где все утопает в цветах,
Он смотрит туда, на восток,
С нежной грустью,

Где сердце оставил во льдах.

«Ушедшие северяне становятся снегом...»

Ушедшие северяне становятся снегом,
Когда пригревает солнце, ручьями бегут...
Они прорастают березками в синее небо
И облаками белыми к морю плывут...
Они свежим ветром треплют стланик на сопках,
Ягелем кутают камень, брусникой цветут...
Когда уходит тепло из тундры надолго,
Они снова снегом белым и чистым придут...
Спросите вы: «Ну как же такое возможно?
Можно ли верить в какой-то небесный приют?»
Но каждый живущий помнить ушедшего должен,
Чтоб под сияньем полярным продолжить свой путь.

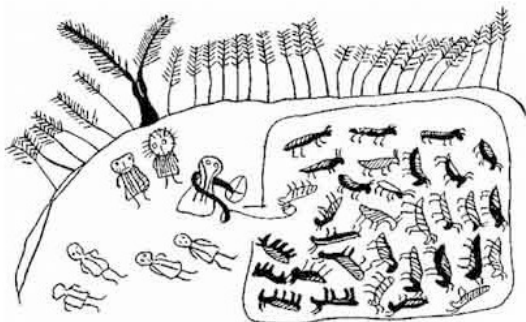
«Я ПОМНЮ ПОСЕЛОК ЗАСЫПАННЫЙ СНЕГОМ...»

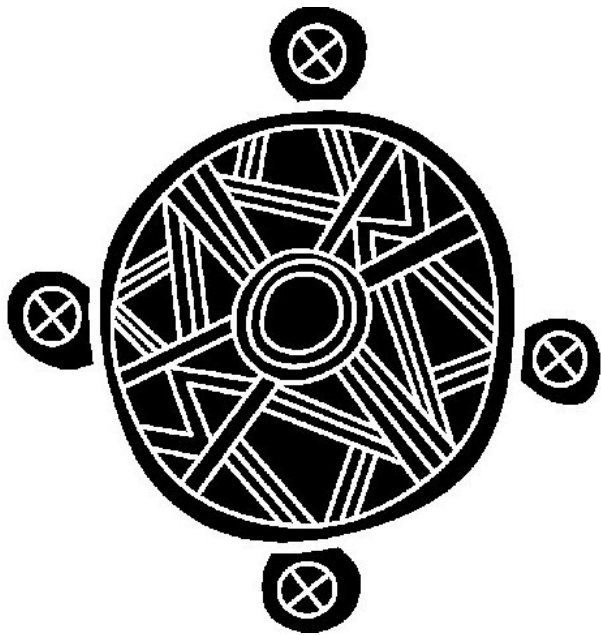
я помню поселок засыпанный снегом,
в трескучих морозах стоящий вдали.
и я в вертолете болтаюсь по небу,
кружусь над площадкой у самой скалы.
пурга лопастями над тундрой взвилась,
и люди бегут к вертолету уже —
им почта небесная снова даст силы
и снова подарит покоя в душе.
они, улыбаясь, посылки вскрывают,
у них от конвертов сияют глаза —
и может от ветра, я даже не знаю,
у них на щеках засверкает слеза.
а я с чемоданом шагаю до дома,
мне хочется многое маме сказать.
я в этом поселке родился влюбленным,
и этой любовью могу согреть.

«кроме снега и холода...»

кроме снега и холода
там что-то такое есть,
когда, умирая от голода,
не забываешь про честь.
когда, о себе не думая,
выходишь на помощь в ночь,
не измеряя суммами,
просто идешь помочь.
там по-другому мыслится
наедине с собой...
суровая и искристая
Чукотка перед тобой.

«ДОМА СТОЯТ С ВЫБИТЫМИ СТЕКЛАМИ...»

дома стоят с выбитыми стеклами
ведут дороги в никуда.
сколько их?

колючим снегом запорошенные
мертвые города, брошенные.

когда-то жизнь кипела
неуемная —
гордилась Севером
страна огромная.

колючим снегом запорошенные,
мертвые города, брошенные.

эх, молодость, потраченная
весело!
стране теперь тебе отдать-то нечего.

колючим снегом запорошенные,
мертвые города, брошенные.

но помним мы просторы покоренные!

мы до сих пор в них искренне влюбленные!

колючим снегом запорошенные,
мертвые города, брошенные.

История

Историю эту в чукотском поселке
Как песню-легенду здесь каждый услышал.
Ее приукрасили люди настолько,
Что хочется мне рассказать без излишеств.
Красавица тундры со взглядом раскосым,
Прошла мимо юноши в летном костюме.
Глаза повстречались без лишних вопросов,
Но разве возможно в поселке без шума?
«Он – русский. Он бросит», – шептали подружки,
«Нашел с кем встречаться», – судили пилоты.
А им было вместе светлее и лучше,
И вовсе не слушали мненья чьего-то.
Глаза у него словно синее небо,
Она утонула в них, сердцем пропала,
А он на руках ее нес, словно лебедь.
Казалось, что будет так вечно...
Казалось...
Его научила словам незнакомым:
Конфета – «кэнтикэн», здороваться – «еттык».
Он ей говорил: «Будешь ждать меня дома.
У нас будут очень красивые детки».
Туманом накрыло далекие сопки,
Ему улетать на далекую вахту.
«Вернусь», – говорит и целует так робко.

Взлетел самолет, словно малая птаха.
Неделя-другая. Бывает такое,
Когда нет известий. Пурга, словно нечисть.
Она у шамана хранит дорогое —
Его белый шарф, чтоб ему было легче.
Стук в дверь. Телеграмма. На сердце лег камень.
Руками дрожащими. Буквы расплылись.
Прочла и упала как будто бы в яму.
И только шептала: «Мой милый... мой милый...»
А там в телеграмме: «Туман был. Разбился».
Как с фронта, сухая короткая сводка.
Спусти девять месяцев мальчик родился
С глазами как синее небо Чукотки.

«Снежная пустыня дышит ветром...»

Снежная пустыня дышит ветром,
Двигается волнами простор,
Словно крутит шар земной от центра
И сбивает солнечный прибор.
Солнце утонуло в небе темном
И на дно корабликом ушло —
В мире неуютном и огромном
Человек несет свое тепло.
За собой следы лишь оставляя,
Вдаль бредет, надеясь на ночлег,
И, за ним дорогу замечая,
Ускоряет белый холод бег.
Иней на ресницы налепился,
Стынут руки, воздух как металл,

Но на горизонте заструился
Синий дым. И он его так ждал!
Слышен уже рокот вездехода,
Лай собак и скрип летящих нарт.
Человек вернулся из похода!
Он теперь Чукотке кровный брат.

Девять

мы шли маршрутом средь высоких гор,
стада по узким тропам пробрались:
их ждал за перевалами простор,
там можно до самой зимы пастись.
один оленевод со мною шел:
лицо в морщинах, узкие глаза,
курил он трубку и собаку вел,
все время поправлял чехол ножа.
я оглянулся и сказал: «Темно.
как это место называют здесь?»
«Красавиц Девять названо оно, —
пастух ответил, — Девять там невест»
не вынимая трубки изо рта,
он не спеша продолжил свой рассказ:
«Однажды здесь пропали все стада,
и те, кто с ними был, и те, кто пас.
шаман решил, чтоб отвести беду,
ущелью надо жертву принести,
и чтобы дух себе мог выбрать ту,
Красавиц Девять надо привести.
по стойбищам старейшины пошли —
отцы молчали, матери же — в крик,
когда их дочь-красавицу вели,
и вскоре в ожидании мир притих.

собрали их у ветреной скалы,
шаман запрыгал дико у костра,
туманом черным, словно из золы,
накрылась молчаливая гора.
никто не плакал.
только ветер выл,
голодным псом бросался на костер.
шаман в ярар ударил, и застыл,
и страшно руку над собой простер.
потом очнулся, к девушкам пошел,
кусками шкуры завязал глаза,
как будто был на них безумно зол...
и первая шагнула не дрожа...
беззвучно красота летела вниз
и пропадала в темноте без дна...
и тучи гуще над горой сошлись,
чтоб смерти жадность не была видна...»
Вновь дым из трубки выпустил старик
и посмотрел куда-то далеко,
а я сорвал цветок, помедлил миг
и бросил его между облаков.

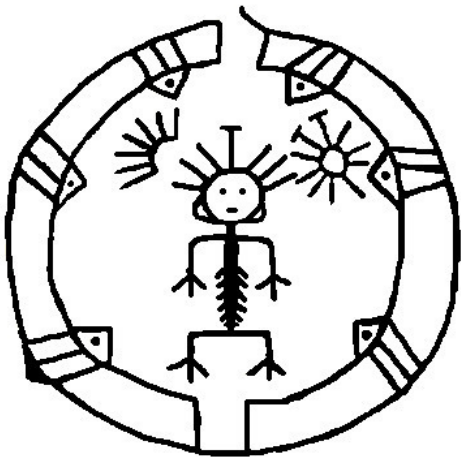

«Взрослеешь и понимаешь...»

Взрослеешь и понимаешь,
Что родина далека,
Где есть почему-то Майном
Названная река,
Где, убегая в сопки,
Тропа на кораль ведет,
Где уголь съедает в топках
Котельная целый год.
Где петли стоят на зайцев,
Где нарты скрипят в мороз,
Где, согревая пальцы
Руку в мотор суешь.
Где на моторных лодках
Сети идешь проверять —
Даже на классных фотках
Север не передать!
Не передать Чукотки,
Белых ее ночей —
Словно из дней коротких
Стало тепло длинней.

И что может быть чудесней,
Воспоминаний тех? —
Мое чукотское детство

Смеется сквозь белый снег.

«Вы знаете, чем согреваются в тундре...»

Вы знаете, чем согреваются в тундре,
Когда белый шторм накрывает простор?
Когда Дед Мороз с белым посохом мудро
Стеклит неподвижную гавань озер?
Когда, разгребая сугробы и ветер,
Ярангу теснишь на замерзшей земле?
Когда вездеход «разувается» в тесте
И в жиже болотной лежит в колее?
Когда пастухи в целлофановых куртках
За стадом идут сквозь туман и дожди?
Когда рыбаки спешат сети распутать
И рыбу пускают на нерест идти?
Когда на буксире ведут баржу с грузом,
Чтоб только до первых успеть холодов?
Вы знаете, чем согреваются в тундре? —
Простым черным чаем индийских сортов.

«Снова тундру листаю как будто букварь ...»

Снова тундру листаю как будто букварь —
Люди Севера – это ведь Высшая лига,
И у них среди ночи ценнее фонарь,
Когда белые ночи – хорошая книга.

Им совсем невдомек, что предательство есть,
Что, когда нужна помощь, пройти можно мимо,
И у них без бахвальства понятие честь,
И несут ее в сердце как воды Гольфстрима.

Подлость любит тепло, а там лютей мороз,
И характер сурово зима закаляет,
Даже если невмочь и устал ты до слез —
Все равно тебе сил подниматься хватает.

А другие не выдержат – просто сбегут.
И в словах моих нет даже малой интриги.
Жить на Севере – это и подвиг, и труд!
И поэтому люди как Высшая лига!

Северное сияние

Что случилось?
Словно сказка!
Глаз никак не оторвать!
Разлилась по небу краска
И давай порхать, сиять!
Это чудно!
Это дивно!
Фейерверк такой большой!
Разноцветье льется ливнем
Над моею головой!
На небесное гулянье
У меня один ответ:
Это – Севера сиянье!
Это – Арктики рассвет!

Минус пятьдесят

Показал термометр
Минус пятьдесят!
Так чего же взрослые
От детей хотят?
Долго меня кутали,
Только я не рад
И кричал. Не слушали!
«Минус пятьдесят!»
Даже звери спрятались,
Птицы не поют!
А меня вот сцапали —
На руках несут.
Я рыдал —
Смерзаются
Слезы на глазах,
Снегом покрывается
Шарфик на губах.
В санки стелют шкуру
И меня кладут.
Я лежу понурый,
А меня везут.
Дым столбом струится,
Где-то там детсад.
На моих ресницах

Минус пятьдесят!
Хорошо на санках
Утром.
Пусть темно!
Еду я в кухлянке —
Мне в мороз тепло!

Разговор мальчишек

– Мой папа водит вездеход.

– А что это такое?

– Что через тундру он везет

Всем стойбищам съестное.

– А папа мой – оленевод!

В любую непогоду

За стадом с посохом идет —

И так вот год от года.

– А у меня отец – рыбак.

Кету сетями ловит!

Засушит юколу вот так!

Да и икры засолит!

– А папа мой ковшом берет

И камень сыпет в желоб!

Руду он ищет средь болот —

Он у меня геолог!

– Ты видишь, в небе самолет

Крылом качает плавно?

Там папа мой. И он – пилот!

Он в небе самый главный!

Вот так мы спорили, юнцы, —
Такое наше детство!
И знали: папы – молодцы
И с ними наше место!

Ягода-морошка

На кочке среди травы болотной
Где-то много, ну а где немножко,
Будто бы разбросанное солнце —
Северная ягода-морошка.

Вкус ее особый, непохожий —
Ешь ее, как будто понарошку.
Делает дождливый день погожим
Северная ягода-морошка.

Если б только в тундре было можно
Выстелить оранжевым дорожку,
То легла б под ноги осторожно
Северная ягода-морошка.

Северное лето как мгновенье —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.